

Эпоха лепит поколение,
Не доверяя пластилину.
И не по щучьему велению —
Сутулясь, тачкой возит глину.

Из глиниц старых, из оврагов,
С полей, что смутами размыты.
Из котлованов всех гулагов,
Всех Днепрогэсов и Магниток.

Из всех траншей, из всех окопов,
Что вжались в твердь — до мезозоя.
Та глина пахнет смертным потом
И непросохшею слезою.

Не мокрым парком и не садом,
Где цвета вешнего завеса.
И увлажнять ее не надо.
Она готова для замеса.

Лепи, пока она не скисла —
Ведь рай не возведен, не обжит.
И жги в печи стихи и письма,
Чтоб жизнь вдохнул
В ту глину
Обжиг.

Достался мне чудной народ,
 В трех соснах белым днем плутает...
 Берет ли злость меня? Берет!
 Молчит и желваки катает.

А у самой глаза грустны.
 Она-то знает — не химера
 Те три сосны, те три сосны...
 Надежда. И любовь. И вера.

НА ДОНСКОМ БЕРЕГУ

Здесь дубы не сведешь, как бывало, в полки —
 Редкой цепью стоят на поверке вечерней.
 И окопы ожине лежащей мелки,
 И ползут лишь терны по ходам сообщений.

Часовым — белый бакен, видать за версту...
 Неужели резервы все вышли у Ставки?
 Ночь придет, а всех войск неуступчивых тут —
 Я, мальчишка седой,
 Да дубы-перестарки.

...Я сюда прихожу, виноват без вины,
 Тишины зачерпнуть, что тут горше и чище.
 Тут позиции те, что врагу не сданы, —
 И траншеи на ощупь судьбу мою ищут.

* * *

Хмурит лозы излука,
 Берег супится, крут...
 За побег из «Фейсбука»
 Орденов не дают.

Оправдаться мне нечем,
 Но я все же шепчу
 Увозящему вечер
 В темноту дергачу:

«Небо там не смеркает,
 И попробуй сбеги...
 Ведь ведут на аркане
 В плен — друзья, не враги!

И ни всхлипом, ни криком
 Не спасешься, хитер...
 Я твоим тихим скрипом
 Тот аркан перетер».

Градов торжество престольных
И удельных строгий вид
Городок из дальних, школьных
Весен — застить норовит.

И босой проселок пыльный
Крикнет облаку: «Лечу!»
И холмов рушник ковыльный
Стелет память Калачу...

Счастья ль там искать, беды ли,
Снег ли, вьюга ли свистит, —
Даже полынок Медыни
Воздух выстывший сластит...

В детство броды-перелазы,
Солнечные берега.
...Светит князю — город Грязи,
А княгине светит — Мга...

* * *

Взводит ночь — но пока не спускает курки...
Бьются по ветру крыльями полы плаща —
И срываются с мелей чирки-трескунки,
И все ходят кругами, в трещотки треща.

И слепое течение, меняя нажим,
Все скрипит пересохшим пером тростника —
Все о том, что чужое в ночи сторожим;
Что свое нам открыться не может пока.

* * *

Ушел в раakitник омуток —
Наверно, не вернуть...
Оно и жизни — на глоток,
Но, может, растянуть?

Седой раakitник промолчит —
Скребет ракушки челн...
И я не захочу мельчить,
Не захочу — ни в чем.

Как жалок он, привычный мир,
 Когда природой в темень кинут —
 И сотни гроз, затеяв пир,
 Грома согласные содвинут!

Себя спасая — и губя
 Дрожащегубой немостою,
 Людской испуг спешит себя
 Укрыть за зримою чертою:

За воском крыш, бумагой стен...
 Но сердце, слыша слабый оклик,
 Не хочет насмерть биться с тем,
 Что вспышкой ослепило окна

И, будто бы созвучно злу,
 Грозит задеть раскатом тяжким.
 ...Но эти капли по стеклу —
 Как пальцев зябнущих костяшки...

Мир стоит на китах?
 ...И разлив берега,
 Как задачки ответ, обнажит...
 Мир стоит на китах?
 Мой — на смытых корнях
 И крылатых, в них бьющихся утренних рыбах!
 На тяжелых туманах,
 В которых сухим, словно порох, лежит
 Тонкий прошлого ситчик,
 Что так беззащитен на сгибах.
 И туда я иду —
 Через век, наугад, навспомин,
 Напрямки, сквозь чумного веселия
 Чуждые дразги и визги —
 Где в корытце вспотевшем —
 Смешной, так беззубо смеющийся сын...
 Он ладошкою бьет — и до сумрачных лет,
 До морщинистых щек моих
 Взметнуты брызги...
 И счастливая женщина —
 Мыло, халат, не скрывающий рук,
 Легкий ситчик, как ветер,
 Прильнувший к горячему маю —
 Так глядит на меня
 Из грядущих злосчастий и мук,
 Что гляжу на нее я —
 И брызги стереть забываю...

* * *

Сижу в своих тернах, как хорь,
И вижу все — терны, терны...
И заросли моих стихов
Терновой азбуке верны.

Что воли не дает слезам, —
Пусть даже и саднит, кровит.
...Нет школ таких, и каждый сам
Терновый учит алфавит.